

Пролог

Стиккисхоульмюр, Исландия, ноябрь 1686 года

В день, когда ворочается земля, чрево скованного льдом моря исторгает на поверхность труп. Пальцы цвета слоновой кости шевелятся, как живые.

Мужчины и женщины Стиккисхоульмюра выскакивают на мороз, спотыкаясь и проклиная подземные толчки, которые осыпают их кусками дерна с крыш. Но при виде руки, призывающей их в ледяную пучину, они осекаются на полуслове, замирают с открытыми ртами.

Мужчины пробираются вперед, карабкаясь по морщинистым наростам застывшей воды. Идти тяжело. Он с трудом ковыляет вместе с ними, зажимая нарывающую рану в боку. Всякий раз, как его ноги в башмаках из тюленьей кожи ступают на лед, он прерывисто втягивает в себя воздух.

Позади него, на промерзшем и заснеженном надежном берегу, сгрудилась наблюдающая толпа. Он чувствует, как они следят за каждым его шагом в надежде, что лед не выдержит.

Он вспоминает, как тащил укутанное в саван и обложенное камнями отяжелевшее тело, как ныла рана,

когда они пробирались сквозь сугробы и длинными палками разбивали лед, чтобы столкнуть сверток в воду. Море поглотило его в один миг, белое пятно растворилось во тьме. Но память о теле осталась, как кровавые сцены в сагах — старых как мир и полных страстей легендах, из которых каждый исландец с самого рождения узнает, что такое жестокость.

Шесть дней тому назад он вполголоса прочел молитву над черной водой, и они побрели обратно в дом. Полыню затянуло льдом еще до захода луны, и когда на небо просочились бледные лучи зимнего солнца, под снегом уже ничего не было видно. Природа укрывает множество грехов.

Но земля в Исландии всегда беспокойна. Должно быть, из-за рокочущих содроганий ее недр или из-за водоворотов камни вывалились из савана, и тело всплыло на поверхность из-под растрескавшегося льда. Вот оно виднеется. Манит к себе.

Он поскользывается и грузно падает, слабо застонав, когда осколок льда впивается в бок. Но нужно идти дальше. Кряхтя от боли, он заставляет себя подняться. Лед трещит под ногами. Позади чавкает бездонная алчная глотка черной воды. Он делает осторожный шаг вперед.

Тихо. Тихо.

Земля снова вздрагивает — так встряхивается мокрый пес, но и этого достаточно, чтобы он упал на колени. Мир съеживается до скрежещущих, движущихся ледяных пластов. Он лежит ничком, тяжело дыша, и ждет нового треска, эхо которого покажется ему хрустом ломающихся костей. Это будет последнее, что он услышит, прежде чем море поглотит его.

Льдины застывают. Мир перестает содрогаться. Наступает тишина.

Он встает на колени, и двое его спутников делают то же самое.

Они обмениваются вопросительными взглядами, и он кивает. Лед стонет. Внизу струятся потаенные темные воды.

— Быстрее! — кричит кто-то с берега. — Еще раз тряхнет — и вы погибли!

Он со вздохом запускает пальцы в волосы.

— Лучше покуда его не трогать, — говорит один из мужчин, высокий и черноглазый, словно вытесанный из той же подвижной вулканической породы, что и сама земля.

Второй, белокожий и рыжеволосый, как кельт, согласно кивает.

— До весны. Света будет больше, и лед растает.

Почесав бороду, он качает головой.

— Мы должны... я должен вытащить его сейчас.

Высокий хмурится, и глаза его от этого чернеют еще больше.

— Возвращайтесь, — говорит он. — Опасная это затея.

Но теперь качают головой оба его спутника.

— Мы идем с тобой, — тихо говорит высокий.

С берега за ними по-прежнему наблюдают — всего-то десять человек, но они так взволнованно перешептываются, что кажутся целой толпой. Они сгрудились тесными кучками, бормочут что-то друг другу, прикрывая рты рукавицами. Их слова поднимаются в морозный воздух серыми облачками звуков, сгустками ядовитых испарений.

Трое мужчин почти уже добрались до открытой воды, лед хрустит у них под подошвами. Он поднимает руку. Все замирают.

Он ложится на живот и подползает к краю. От чавкающей внизу черной глотки моря его отделяет слой льда не толще ладони. Впереди на волнах покачивается обернутая белым саваном фигура. Застывшие пальцы призывно машут ему.

Лед скрежещет зубами.

Он с размаху всаживает в саван косу и торжествует: лезвие зацепилось за ткань. Он тянет. Труп подплывает ближе, бледные пальцы колышутся перед самым его лицом. Он вздрагивает. Материя трещит, и коса срывается. Труп ускользает.

— Брось это, — шипит черноволосый.

Он снова замахивается. Окоченевшие мышцы лопит, рука дрожит от усилий. Он с силой выбрасывает косу вперед, и ее острие насквозь пропарывает саван. Он морщится, будто холодный металл пронзил его самого, закрывает глаза, делает глубокий вдох и наносит еще удар. Лезвие погружается в плоть.

Оба спутника держат его, пока он вытаскивает из воды тело. Что-то темное медленно выходит на поверхность и плюхается на лед.

— Прости, — хрипит он.

Они тащат тяжелую ношу по замерзшему морю обратно на сушу.

Он старается не смотреть вниз, не видеть волочащуюся по льду и шуге мертвую руку — так дети загребают пальчиками снег, чтобы метнуть в кого-нибудь снежок. Дым из соседских труб расчерчивает морозный воздух черными каракулями, и облачка дыхания взволно-

ванных сельчан белеют на фоне мрачных рунических письмен.

Когда трое мужчин приближаются к берегу, толпа бросается им навстречу и окружает их, словно алчные стервятники, что оттесняют своих сородичей, стремясь первыми наброситься на неожиданное угощение.